

ЮНОСТЬ

9 770132 203600

№9/2020

16+

9

Журнал «Юность» 2020

Литературно-художественный журнал

Журнал «Юность» №09/2020

Редакция журнала «Юность»

2020

Литературно-художественный журнал

Журнал «Юность» №09/2020 / Литературно-художественный журнал — Редакция журнала «Юность», 2020 — (Журнал «Юность» 2020)

«Юность» – советский, затем российский литературно-художественный иллюстрированный журнал для молодёжи. Выходит в Москве с 1955 года.

© Литературно-художественный
журнал, 2020

© Редакция журнала «Юность», 2020

Содержание

Алена ракитина	6
Поэзия	8
Ольга Ермолаева	8
Полина Корицкая	11
Про Олега	11
Профилактика	12
«Я потеряла вчера в промзоне...»	13
Игорь Никольский	15
«Вечер, метро, в тоннеле светло, как днем...»	15
Ксения Савина	17
«В дыму каштановом...»	17
«Трудно птице взлететь...»	18
«А по осени строгим, сильным...»	18
«Должна сомнения отбросить...»	19
Марина Крутова	20
Антоновка	20
Мой город	21
Мечта о сыне	21
Наследство	22
Алена Сеница	23
«В две тысячи первом...»	23
«Вот так живешь в пустом поселке...»	24
«Есть время, пока не придет электричка...»	24
Проза	26
Шамиль Идиатуллин	26
Сергей Кубрин	28
Молодая жена	28
Наталья Лисина	30
Загадка парка	30
Михаил Бутов	34
Геннадий Давыдов	35
Саша	35
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Журнал «Юность» № 09/2020

© С. Красаускас. 1962 г.

На 1-й странице обложки рисунок Марины Павликовской «Таврида»

Алена ракитина

Родилась в 1990 году в Москве. Окончила Московский государственный лингвистический университет, переводческий факультет (кафедра итальянского языка). Куратор литературного направления в Арт-кластере «Таврида». Финалист литературной премии «Лицей» имени А.С. Пушкина (2017).

Флешбэк.

Все началось летом 2015-го.

Тогда еще никто не предполагал, во что это все вырастет.

Очередной форум. Правда, в Крыму. Лето, солнце, море. Большинство привлекало именно это. Да еще перелет, проживание, питание – все, как говорится, включено. Крайне заманчиво. Не скрою, подкупило это и меня. В том далеком 2015-м я приехала на «Тавриду» обычным участником. Приехала без особых ожиданий. Ну что меня, скептика и циника, могло там удивить, чего мы там не видели?

Есть такие места, в которые попадаешь и понимаешь, что все. Ты там, где должен быть. Дома. На своем месте. Так вышло и у меня. Как? Почему? В чем оказалась особая магия «Тавриды»? Не знаю, не могу объяснить. Просто понимаешь, что это – ТВОЕ. И ничто дру-

гое заменить его не может, это будет подделка, суррогат, не взаправду. Понять, сложится с «Тавридой» или нет, очень легко. Нужно просто приехать один раз и увидеть, прочувствовать это место, его энергетику, людей, собирающихся там. Это как любовь с первого взгляда. Все моментально встанет на свои места при первой же встрече. Да или нет. Да.

Как сейчас помню: торжественное закрытие литературной смены. Я стояла где-то позади толпы, далеко от сцены, всем участникам раздали воздушные шары со светящимися светодиодами внутри, чтобы все их одновременно отпустили в небо, загадав желание. В какой-то момент черное крымское небо замерцало сотнями огней.

Несложно догадаться, что я тогда загадала.

Для меня «Таврида» – это не просто место силы, второй дом, но и невероятная команда людей, влюбленных в свое дело. Каждый из которых верит в то, что делает. По-честному, без фальши. От всего сердца. А еще – это место, где действительно собираются лучшие молодые творцы со всей страны и совершенно невероятные, харизматичные спикеры и преподаватели. Это место, куда можно приехать скептиком и циником, а вернуться – вдохновленным энтузиастом и романтиком с кучей контактов в записной книжке и проектов в голове.

Флешфорвард.

Все началось летом 2015-го.

Тогда еще ничто не предполагал, во что это все вырастет.

Теперь «Таврида» – это целый арт-кластер, включающий в себя форум, фестиваль, арт-парк, гигантскую территорию на Южном побережье Крыма – под Судаком, в красивейшей бухте Капсель, – простирающуюся до мыса Меганом.

В 2022 году начнет работу образовательный центр «Арт-резиденция "Таврида"», и мы перейдем на круглогодичный формат работы, став самой масштабной кросс-образовательной платформой, объединяющей молодых деятелей культуры и искусства нашей страны.

Участники со всей страны будут приезжать к нам, чтобы воочию увидеть место, где пишется история будущего. Чтобы стать его частью.

В этом номере мы представляем тексты лучших участников литературной резиденции «Таврида-Лит» прошлого года. Я искренне верю, что не пройдет и пары лет, как эти ребята станут известны на всю страну. У них колоссальный потенциал.

Благодарю всех и каждого, кто делал этот номер вместе с нами.

Поэзия

Ольга Ермолаева

Заведующая отделом поэзии журнала «Знамя».

Пейзаж, снятый мной с порога деревянного коттеджа, когда я утром, после ночлега, отдернула штору и распахнула стеклянную дверь, был ошеломителен. Надо же улететь из скучной осенней Москвы, долгопредолго пилить по ночной трассе от Симферополя, сквозь дикие пробки, вымотаться за долгий путь, уснуть и, очнувшись от ночи, увидеть именно чудо. Рыжая, почти марсианская земля сухого Крыма, серые, сизые горы вдали и взблескивающее сталью море в бухте Капсель, близ Судака, и эти быстрые облака с розовым отливом: за горами, из моря, вставало солнце. И так радостно было помнить, что сбоку находится мыс Меганом, а напротив него, через бухту, – Новый Свет, а где-то там выше нас, за Меганомом, Щebetовка, Коктебель, Феодосия, все навеки родное и любимое, а уж дальше, через бухту, за Судаком, великолепная Алушта, а там, на самом юге полуострова, золотая, в кипарисах и олеандрах,

амфитеатром поднимается в гору Ялта... (Да, мы прибыли из Москвы, небольшой десант руководителей творческих семинаров, для заключительной смены форума молодых деятелей культуры и искусств «Таврида» с 30 сентября по 5 октября 2019 года в Крыму, близ Судака, в бухте Капсель.)

Через час я увидела вблизи, что кажущийся издали белым человек, сидящий на холме, – это арт-объект, и на самом деле он весь сквозной, сидит себе, отдыхает, уронив руки между коленями, но сквозь него, сплетенного из мелких жестких белых металлических ромбов и треугольников, можно смотреть на блаженно-сияющее море. Сейчас Сквозной Человек сидит на холме в медицинской маске (!).

За пять почти дней нашего ослепительно счастья я узнала, какая удивительная, невиданная прежде молодая Республика творчества и труда расцвела здесь, на прежде пустом диком побережье урочища Капсель. Да, тут все равны, все ходят в одинаковых футболках, едят одинаковую пищу из пластиковой посуды, строем бегут на рассвете на зарядку, торопятся на йогу, прибирают территорию, чистят, красят, высаживают растения, ухаживают за ними. В просторных стеклянных ангарах с кондиционерами читаются лекции, проводятся мастер-классы, защищаются проекты, их победители получают денежные гранты на поддержку своих творческих замыслов. Там рисуют, лепят, танцуют, монтируют видеоклипы, которым несть числа... В демократичной социальной сети «ВКонтакте» я смогла через время рассмотреть эти ролики полетов воздушных змеев над бухтой, бешеных плясок, общих танцев, праздничных костров, ночных концертов на эстраде над морем... Общее счастье этого легкого, праздничного бытия на морском воздухе, то под шелест волн, то под удары штормов Черного моря, хмелило пуще вина (оно тут под запретом!). Крайне заинтересованных и активных подписчиков этого канала «Арт-кластер "Таврида"» оказалось без малого 80 тысяч. Для сравнения: Воздушно-десантные войска – отдельный род войск Вооруженных сил Российской Федерации – имеют численность 45 тысяч человек.

В составе нашего немаленького мастер-класса поэзии № 9 оказались люди высокоученые, молодым господам не нужно было рассказывать о русском Серебряном веке, они прекрасно ориентировались во всем, почти каждый имел по несколько высших образований, иные вообще были диковинными специалистами на работах, недоступных моему пониманию... А интересы и занятия у них, выяснилось, вот какие. Полина Корицкая: «Изучала литературное творчество в Литературном институте имени А. М. Горького, посещала его с 2003 до 2011 год. Мама – писатель, педагог, вокалист, редактор-сценарист, мастер пленочного витража. Интересы: музыка, блюз, джаз, рок-н-ролл, саксофон, гармошка, гитара, поэзия, лирика, проза, сказки, песни, вокал, фламенко, фолк, живопись, витраж, куклы, батик, вышивка, лошади, Томск, Москва, дети, время, ангелы, дороги, книги, издательства, детское творчество, язык...»

Или вот Игорь Никольский: «Перевожу с английского, пишу. Интересы: технические переводы, поэзия, музыка, история, реконструкция WW2, SD-печать, физика, покер, оружие, тоталитарные идеологии, религии, соционика, психософия, эзотерика, фалеристика. Любимая музыка: метал, классика, джаз». (Да, Игорь еще и превосходно поет под гитару свои песни. Нам он пел на мастер-классе.)

А, например, самая активная, тщательно и профессионально разбирающая на мастер-классе каждое чужое стихотворение Ксения Савина родилась в 1992 году в Санкт-Петербурге, выпускница философского факультета СПбГУ и одноименного факультета РХГА. Религиовед, окончила аспирантуру ЛГУ имени Пушкина по направлению «Философия религии и религиоведение». Занимается теорией и практикой стихосложения в верлибре.

Самая юная, очень интересная Алена Сеница все казалась мне маленькой девочкой, пока я не взглянула на ее биографию: там была какая-то огромная череда наград и премий... Но сама Алена была молчалива и сдержанна, однажды мы вышли с ней после занятий, ну, думаю, хоть поговорим теперь на воздухе. Но неприступная Алена шла молча, смотрела прямо перед собой

на закат за горой и думала какие-то свои свободные и вольные думы. Сейчас я узнала, что, отучившись в Москве, в Московском государственном областном университете, Алена занимается уже в Московском институте телевидения и радиовещания «Останкино». Да, это у них, как на подбор легких, красивых, молодых, – общее: не тратить время попусту, учиться, пока есть хоть малейшая возможность, работать, порой на нескольких работах, создавать семью, растить и учить детей, как, например, Марина Крутова (Кулинич) из Твери – она автор трех книг стихов. Врач по образованию. Предприниматель. Замужем, воспитывает двух детей. Училась в Тверском государственном медицинском университете.

Здесь, на «Тавриде», все эти молодые стихотворцы оказались не просто так: они подали заблаговременно заявку, прошли экспертную комиссию (причем возраст участника не должен превышать 35 лет). Они выбирают по себе смену, с 1 апреля по 10 октября, и живут, творят, работают, радуются морю, близкому им, родному народу, под крылом благородной миссии платформы «Таврида», Форума молодых деятелей культуры и искусств... Чтобы в конце концов, например, выйти со стихами на страницы знаменитого столичного журнала «Юность». Ради этого стоит перетерпеть всю зимнюю тоску по «Тавриде» и вспомнить, как, уезжая со смены, горестно запихивал, в рюкзак ли, в чемодан ли, ворох этих разноцветных фирменных футболок, подарков «Тавриды», и каждая футболка оглушительно пахла морским ветром и Черным морем.

Полина Корицкая

Родилась в 1986 году в городе Томове. Ученица А. И. Казанцева. Выпускник Литературного института имени А. М. Горького. Автор стихов, прозы, песен. Лауреат поэтического конкурса им. М. Орлова. Финалист и победитель пятого всероссийского фестиваля молодой поэзии имени Леонида Филатова «Филатов-Фест». Член СП Москвы. Живет в Москве.

Про Олега

Когда я уйду с работы,
Отметивши факт сего,
Захочется вдруг чего-то
Живого и своего...

...Поеду в Мытищи к Олегу!
С ним вместе гулять пойду.
Пройдемся по рыхлому снегу,
Последнему в этом году.

Мы выпьем с ним газировки,
А завтра – придет весна.
Вернется с командировки
Олеговская жена.

И пряча в кошелке тыщи
Магнитиков и саше,
Ворвется в свое Мытище,
Прогонит меня взашей.

А я, не в обиде вовсе,
Смотрю, как в пяти шагах,
Гуляют большие лоси
На длинных своих ногах.

Профилактика

Забулькала четвертая кастрюлька,
Сниму ее с огня и отнесу
Туда, где бестолковой сосулькой
Кран молча отражается в тазу,
Как веточка в малиновом пруду.

И я к тебе помыться не приду,
Нет, я к тебе помыться не приду,
Ведь у тебя арестовали воду,
Как сломанное дерево в саду,
Цветок запретный в центре огорода.

И мы пойдем по улицам гулять,
Среди деревьев с непомытой кроной,
В тени деревьев я поправлю прядь,
Взметнувшуюся к небу, как корону,
И стану тебя в губы целовать.

Я стану тебя в губы целовать
И волосы немые ерошить,
В земного шара влажную кровать
Улягутся события из прошлого,
И мы ее не будем ворошить.

Мы будем дальше потихоньку жить,
Сажать цветы по стульям огорода,
Да в чашечке кофейной ворожить.
Но чашечки коленные сложить
Сюда вернемся в середине года.

Когда вдруг распогодится погода
И Богу нам захочется служить,
Нам Бог откроет кран и пустит воду,
И пусть она по городу бежит,
Спонтанно огибая гаражи.

Нам будет неприлично хорошо,
Когда мы будем спинами друг к другу
Стоять под перевернутым ковшом
Большим, а после Малым,
Так по кругу.

А помнишь, когда не было воды
Горячей в кране, были только руки
Горячими, и крошками слюды
Блестели капли ледяной воды,
Дрожа
в испуге.

«Я потеряла вчера в промзоне...»

Я потеряла вчера в промзоне
Свой кошелек.
Он из кармана комбинезона
На землю лег.

Я, обнаружив свою потерю,
Была так зла.
Домой вернулась, врубил телик
И вдруг сползла:

С моей промзоны вперед ногами
Несли людей...
Спасибо, Боже, что взял деньгами,
Теперь – налей.

И был звонок мне, явленье брата
И трех шалав.
Одна как будто из шоколада,
А две – из трав.

Они шатались и пахли так же —
Две конопели.
А негритянка наречьем вражьем
Чего-то пела...

...Их выдворяя, лишалась крови,
Был стук и гром...
Спасибо, Боже, что взял здоровьем,
Оставил дом.

Устало села – без настроенья
И с синяками.
Бороться трудно с фальшивым пеньем
И сорняками.

Неужто будет, без одобренья,
Мой жадный брат.
Отведав травки, дав удобренья,
Пить шоколад?..

...Да что ж там скачет – за потрохами,
Стучится злей?
Спасибо, Боже, что взял стихами.
Теперь – налей.

Игорь Никольский

Родился в Гатчине, в настоящий момент живет в Петербурге. Стихи пишет с 2005 года. В составе творческого трио «П.Н.Д.» выступает в различных городах России. Опубликовал сборник стихотворений «Каждый из нас» (2017).

«Вечер, метро, в тоннеле светло, как днем...»

Вечер, метро, в тоннеле светло, как днем.
Стук не сдержать, он рвется из сердца прочь.
Не попадая в нормы дверной проем,
Снова я бьюсь об стену, горох точь-в-точь.

Значит, пришла пора покидать насест...
Чертова память, яростней пламеней!
Из всевозможных тихих, спокойных мест
Я выбираю землю и прячусь в ней.

Я выбираю призрачное метро —
Нет настоящих линий, фальшив билет.
Можно всю жизнь лететь сквозь его нутро —
Станций конечных тоже, по счастью, нет.

Я выбираю ветер, что бьет в лицо
Через окно из светлых, пустых глубин.
Есть, говорят, в столице его кольцо,
В нем в форме буквы М укреплен рубин.

Город над нами бьется в силках – час пик!
Новые мысли тонут в дрянном спирту.
Новые лица тот же корежит тик —
Вредно, конечно, правду держать во рту.

А по тоннелю поезд летит стремглав
Новым маршрутом – он ни хорош, ни плох.
Жизнь продолжает список удачных глав —
Перышком из-за конторки помашет Бог,

Поезд сорвется в сумрак, к иным мирам,
Стукнув меня о поручень головой...
Старый вагон – мрачный, забытый храм,
Мчащийся вдаль под призрачною Невой.

Ксения Савина

Родилась в 1992 году в Санкт-Петербурге. Выпускница философского факультета СПбГУ и одноименного факультета РХГА. Религиовед окончила аспирантуру ЛГУ имени Пушкина по направлению «Философия религии и религиоведение». Занимается теорией и практикой стихосложения в верлибре. Дебют в «Знамени». Участница заключительной смены форума молодых деятелей культуры и искусств «Таврида». Живет в Санкт-Петербурге.

«В дыму каштановом...»

В дыму каштановом,
В сиреневом дыму,
Посреди зелени
Оставьте меня, милые,
Идите своей дорогой.

Научусь, как подорожник,
Расти всюду.

Будучи втоптанной в землю,
От дождя и ветра
Научусь распрямляться.

«Трудно птице взлететь...»

Трудно птице взлететь,
Да в полете легко.
Эх, возьми меня, ветер, в жены,
Какие тебе подарю бури!
И сына, и дочку...

Мне б хоть одну ночь
Трепетать и выгибаться над миром.
Буду будто полотнище белое,
Будто крыло горлицы —

Тебе одному буду союзница!
А ты все воешь и мечешься,
Нет в тебе ни правды, ни воли,
Которых во мне с избытком.

«А по осени строгим, сильным...»

А по осени строгим, сильным
Журавлиным клином
Выбью из памяти
Многострадальной
Тебя, моего журавля белого!
Журавля в небе.

И синицу в руке
Перестану мучить.
Августовскими грозами
Провожу под сень
Ветвей раскидных
И с разбега в мороз
Войду свободная.

Просто мучить перестану
Птицу малую,
Сердцу милую синицу
Освобожу из руки сжатой.

«Должна сомнения отбросить...»

Должна сомнения отбросить
И сама новой весне доверить
Себя, как порой безрассудно
Судно доверяют водам,
Потому что оно предназначено водам
И только им его право – переправить
Мужей смелых через море – судить.

Должна себя доверить людям,
Как доверяют, за сердце хватаясь,
Дочь мужу, сына службе,
Мужаясь и прозревая:
Судьба не дура,
Не игра в кости.

Почаще заходи ко мне в гости,
Еще не то расскажу.

Марина Крутова

Поэт, автор трех поэтических книг; «Совершенновесенняя» (2005), «Не умею любить вполсилы...» (2007), «Женщина, которая поэт» (2018).

Живет в Твери. По специальности врач – реаниматолог-анестезиолог.

Многочисленный лауреат всероссийских и международных литературных конкурсов, таких как «Хрустальный родник», «Зеленый листок», «Предлог», «Осиянное слово», «Переправа», «Поэтический атлас», «Славянская лира», «Витебский листопад», фестиваля «Всемирный день поэзии» и многих других.

Антоновка

Антоновку с ветвей снимал сосед,
Стремянкой небо подперев умело.
И осень на его ладонях зрела,
А он был этой зрелостью согрет.
И становился будто бы здоров,
Вдыхая запах кислый и бодрящий.

И тяжесть яблок наполняла ящик,
И душу наполняла до краев.
Но жизнь сама снимает урожай.
Кому легко нести такую ношу?
И дом был снегом густо запорошен,
И было деда по-соседски жаль.
И прелый запах яблоневых строк,
Лежащих без движенья на соломе,
Напоминал, что был хозяин в доме,
Но пережить антоновку не смог.

Мой город

Тверской весны угрюмый вид
Напомнит старого бродягу:
В грязи, потрепан и небрит,
Окурком ТЭЦ вовсю дымит,
В кармане сжав с лазурью флягу.
На коже – сыпь дорожных ям
И вены вздуты половодьем...
А по нахмуренным бровям
Трамвай ползет ко всем чертям,
И на Советской в ноль уходит...
На Комсомольской каждый год
Нарыв вскрывается подкожный.
И вновь бродяга просто ждет,
Пока беда «сама пройдет»;
Прижав асфальта подорожник...
Оставив почести другим
И старых крыш понутив плечи,
Мой город слишком человечен...
И оттого до слез любим.

Мечта о сыне

Город продрогший стынет
В пасмурной оболочке.
Папа мечтал о сыне,
А получилась дочка:
Девочка – белый бантик,
Розовые сапожки...
Дождик опять некстати
В зонтик стучит горошком.
Капли спешат остаться
В омуте луж бездонных...

Папа ведет на танцы
Юную примадонну.
Чешки надеть поможет,
Ловко закрутит кичку...
Дочь стала всех дороже,
Дочка – его частичка.
Пусть хмурый дождь пунктиром
Снова с небес закапал...
Девочка правит миром —
Миром в душе у папы.

Наследство

Где-то там, где дома приникают к земле,
Где застывшее время ко всем безучастно,
Мне в наследство достался заросший участок
Да изба, прислоненная боком к ветле.
На облупленный шифер налипла листва,
Словно силясь прикрыть неухоженность дома.
И ветвей рукава, будто свыше ведомы,
Обнимают его по законам родства...
Опустевший давно – не приют, не очаг, —
Доживает свой век по-крестьянски покорно...
Здесь, из этой земли, силу черпали корни,
Но о них облетевшие листья молчат...
Лебеда и полынь – старожилы глуши.
Сотню верст прошагай – тишина бездорожья...
Здесь наследство мое: не от бабушки – божье.
А вокруг – ни души.

Алена Сеница

Поэт, автор-исполнитель, пишет стихи и прозу. Лауреат Филатовской премии (2016) в номинации «Поэзия», дипломант областной литературной премии имени Роберта Рождественского (2017).

«В две тысячи первом...»

В две тысячи первом
Петя был дворник
с двумя выходными —
суббота и вторник.
По вторникам Петя
смотрел на крыши,
с которых падали
капли снега,
хорошо, что сегодня
дожил до обеда,
хорошо, когда сверху
тарелка неба.
В огромном городе
у Пети не было
никого, только
серые мыши
в подвалах Манежа,
и где-то повыше,
он носил им
в карманах
кусочки хлеба.
А по субботам
ходил на концерты,
по маленьким залам
мотал километры.
Арбат не любил
и Тверскую тоже,
бродил по дворам,
избегая прохожих.
Петя стоял
на обочине мира,
мир состоял
из отсутствия мира.
В две тысячи первом
Петя был первым
человеком в Москве,
что смотрел на небо,
и увидел там снег,
и поймал его ртом,

вдруг рассмеялся
кто-то, но кто?
Оглянулся в глаза,
видит —
шапка-ушанка
по лицу прочитал —
хулиганка.
Сумасшедшая,
с поезда сшедшая,
городская, больная
наконец-то живая!
В голове с тараканами,
но без мышей,
а Петя впервые
стоял в центре мира,
и мир состоял
из простых вещей.

«Вот так живешь в пустом поселке...»

Вот так живешь в пустом поселке,
в сосновой прячешься иголке,
а сверху примечаешь метки
верхом на старой табуретке.
Два раза в день проходит поезд,
и едут все вагоны порознь,
им вслед пускаешь кольца дыма,
жизнь тоже проезжает мимо.
А впрочем – это так прекрасно,
к ней оставаться безучастным,
поскольку для всеобщей бездны
мы все равны и бесполезны.
Пока поселок замечает,
фонарь на станции мигает,
бродячий пес из леса лает,
а снег летит, и он не тает.

«Есть время, пока не придет электричка...»

Есть время, пока не придет электричка,
Москва – Шаховская – 6:23,
затертая станция, сверху табличка —
Манихино, Троицкая, Снегири.
Из тамбура лезет подвыпивший дядя
и тычет в лицо мне журнал «Крокодил»,

напротив огромная тетьа в помаде,
сынок ее рядом, конечно, дебил.
Я сяду в вагон № 6 у окошка,
рассадой зажатая в самом углу,
пусть едет со мной молодая картошка
в две тысячи двадцать каком-то году,
картошку посадит в саду-огороде
какой-нибудь старенький дед-брадобрей,
и будет она в чистоте, на природе
расти без серьезных и взрослых людей.
Есть время, пока не придет электричка,
Москва – Шаховская уже на путях,
но всех безбилетных и бедных птичек
кондукторы высалят в Снегирях.

Проза

Шамиль Идиатуллин

Я скептически отношусь и к своим педагогическим талантам, и к тезису о том, что один человек может научить другого писать литературные тексты. Писать учат жизнь, чтение и бесконечное переписывание. Поэтому приглашение провести мастер-класс для молодых писателей на «Тавриде» я встретил с зыбкой смесью неуверенности и ужаса. Но потом вдруг вспомнил, что последнюю четверть века в качестве готового редактора занимаюсь преимущественно тем, что изо дня в день помогаю умным взрослым людям писать пусть не литературные, но умные взрослые журналистские тексты. Так почему бы благородному дону и т. д. Про жизнь расскажу, про чтение подскажу, переписывать заставлю – поди, справлюсь. И я поехал. Не уверен, что справился. Скорее, просто повезло. Собралась очень сильная группа, умеющая сочинять под мой дурацкий заказ интересные сюжеты, расписывать их и переделывать. Резвились мы отчаянно. В частности, я задал каждому придумать историю, которая развивается как совершенно фантастическая, раскрываясь все объясняющим реалистическим финалом, –

а потом попросил пройти эту или похожую историю с другой стороны, обеспечив сугубо обыденное течение к сугубо сказочному финалу. Хороший рассказ редко пишется за одну ночь. Но молодые писатели из моего семинара за ночь создали классные, интересные и захватывающие тексты. Несколько получились просто отличными. В их числе – этот рассказ Сергея Кубрина. Хороший человек, как известно, не профессия. Поэтому очень хороший человек Сергей Кубрин работает в полиции – я подозреваю, из высокого принципа и гордого упрямства, – а ночами, наработывая конкурентные преимущества для таких вот мастер-классов и ткань для национального литературного процесса, пишет крутые повести про жизнь настоящих людей. Я давно знаю Кубрина как одного из лучших молодых прозаиков страны, давно его читаю и с восторгом наблюдаю за его ростом. Я продолжаю наблюдение. А вы присоединяйтесь.

Сергей Кубрин

Родился в 1991 году в Пензенской области.

По образованию юрист, работает следователем. Публикации в толстых литературных журналах («Урал», «Волга», «Октябрь», «Сибирские огни»), автор книги «Между синим и зеленым» (2019), лауреат международной литературной премии «Радуга», литературной премии «Лицей».

Молодая жена

Жена сказала: «Напьешься еще раз – можешь не возвращаться». Пить он никогда не умел, но старательно учился. Ежедневные тренировки особого результата не приносили, зато уверенно вели к разводу.

Стоял на лестничной площадке. Синий от алкоголя, красный от спелых ударов. Весь помятый и кривой, с порванным воротником, ободранным подбородком. Кажется, в драке вытащили кошелек и... ключи.

Приблизился к двери. Прислушался. Тишина убедила подождать.

С верхнего этажа, словно с небес на грешную землю, спустился сосед, вытащил из кармана фан-фурик.

– Бушь?

Кивнул и выпил. Быстро и горячо. Зачем-то смял стаканчик, на что сосед выдал невнятное возмущение. Виногато дунул, вернув пластику форму, и не заметил, как опрокинул еще, а потом еще и еще, много раз по пятьдесят.

– Не очкуй. Меня сто раз выгоняли. Скажи, что любишь. Жить не можешь. Хочешь, вместе зайдем?

Отказался, и сосед разочарованно ответил:

– Как хошь.

Наступил второй приход. Пить пьяным – все равно что изображать любовь, когда разлюбил. Зачем вообще женился. Кутил бы, как раньше, и не думал, что дома – ждут. Умерла единственная лампочка в подъезде. Пошатнулся, нашел стенку. Все нормально – живой.

Он беспричинно пил все лето. Начальник, смирившийся с его ежедневным похмельем, как-то понимающе объяснил, что причина есть всегда.

– Работа, жена, квартира. Чего тебе не хватает?

Молодой, вся жизнь впереди.

Пообещал, что обязательно завяжет.

Жена уже не верила обещаниям. Сначала обещал, что сделает ее самой счастливой, потом говорил, что все наладится, теперь что выберутся, выберется, уберется.

Поднес кулак и вроде бы решил постучаться. Раз-два-три. Поймет? Не поймет! Не победить, не оправдаться.

Обидно заныла рука, в затылке сжалось. Все прошло и наступило снова. Круговорот дерьма в природе.

Нырнул в карман, обнаружил немного денег: хватило бы на цветы или конфеты. Но прощение не купишь, и он тихонечко постучался.

Щелкнул замок. Понял, что можно зайти. Ни крика, ни сцен.

В кухне гудел холодильник, звенела вода. Жена мыла посуду, ссутулившись и согнувшись.

– Давай помогу?

Нырнул в карман, обнаружил немного денег: хватило бы на цветы или конфеты. Но прощение не купишь, и он тихонечко постучался.

Она выпрямилась, будто хотела сказать что-то, но ничего не сказала.

– Прости меня. Я смогу. Ты только верь, пожалуйста.

– Да ладно, – ответила, – привыкла. За столько-то лет.

Он был совсем рядом, когда повернулась. На чужом лице с рябой морщинистой кожей разглядел ее вечную родинку. А глаза не узнал. Ни запаха, ни тела, ни себя рядом с ней. Совсем старая и совсем нелюбимая. Обняла его, даже не обняла, а только прикоснулась до плеч и холодно поцеловала в шею.

Хотелось выпить, вернуть молодость, а больше ничего не хотелось.

Наталья Лисина

Родилась и живет в Саратове.
По образованию психолог.
Ведет литературный проект «Читаем вместе!».

Загадка парка

Алексей с детства был особенным ребенком. Родители и знакомые звали его Лешка. А нянечка, приходящая с двенадцати до шести вечера вот уже как 18 лет, пока мама была на работе, называла его «мое солнышко». Лешке это нравилось, как нравилось и наблюдать за людьми вокруг.

Незнакомые дети, иногда приходившие во двор, его дразнили, почему он, такой взрослый, с бородой, но всегда кричит вечером, встречая маму с работы: «Мам, мам, я есть хочу»? Почему он не может сам себе приготовить? Но Лешка не обижался, мама еще в детстве терпеливо объясняла ему, что обижаются только глупые люди, а Леша – умный и добрый.

Он любил гулять в парке, который был расположен рядом с научно-исследовательским институтом. Ему нравилось смотреть, как профессора гуляют в обед, он слушал их мерную

речь, половину слов, конечно, не понимал, но ему нравилось это спокойствие и уверенность, с которой они вели беседу. Леша хотел тоже стать профессором. Мама рассказывала ему, что сначала нужно много учиться, и он учился! Он видел студентов, всегда спешащих на занятия, с учебниками в руках. Леша брал из дома книги, клал их между рукой и боком и в точности копировал их быструю походку.

Однажды он так напугал одну студентку, что она даже достала из сумки какой-то спрей, похожий на мамин лак, которым она утром брызгала волосы. И он объяснил девушке, что лак ей совсем не нужен, ведь у нее чудесные волосы, и девушка обозвала его: «Идиот!» – и быстро ушла. И Леша опять не обиделся, ведь благодаря ему она убрала лак в сумку, а так бы... Ну зачем он ей сейчас?

В парке на одной из дорожек всегда было много кошек. Их прикармливали, и часто это делали студенты, отдавая им остатки своего обеда.

Этот факт очень интересовал Алексея, как и все, что делали студенты.

Леша умел рисовать, и он решил каждый день зарисовывать, каких кошек кормили студенты. Леша терпеливо просиживал в парке каждый день и выводил свою статистику: сегодня два раза рыжая красавица-кошка получила остатки гамбургера от высокого парня в очках, потом ей отдал хлеб мужчина с ноутбуком, а пестрая получила упавшую котлетку, когда девушке, державшей книги, неожиданно позвонили.

К концу весны у Алексея скопилось множество рисунков. Он не знал, что с ними делать, но был уверен – это поможет ему осуществить мечту.

Леша нашел тихое место в парке, разложил рисунки перед собой и провел так пару часов, внимательно изучая цвета кошек.

Он вглядывался в них, пока наконец его не осенило: дело вовсе не в цвете, дело в самих студентах! Он начал новое наблюдение...

Слушая, как ругается няня, обрабатывая ему рану, потом как жалеет его мать, зашивая карман, он думал только об одном: кому-кому рассказать? С этой мыслью он заснул.

Начиналась осень, шло 2 октября, и Лешка понял: каким-то мистическим образом те студенты, которые кормили кошек, рано или поздно выходили из университета с красными корочками, а те, которые избегали этой облюбованной хитрюгами дорожки, просто бежали, опаздывая, и прижимали к себе книжки.

Раз за разом он находил подтверждение и укреплялся в уверенности, что эта закономерность работает почти в ста процентах случаев.

Теперь он и сам решил кормить кошек: иногда он съедал только хлеб, а колбасу отдавал им.

Наслаждаясь тем, что владеет секретом, Алексей начал меняться. Он перестал пытаться приблизиться к проходившим и уже привыкшим к нему профессорам, не пытался заговаривать с вечно опаздывающими студентами, он держался поодаль с какой-то усмешкой, и более того, даже походка его изменилась! Будто это ему вручили красную корочку, и этот факт заставил его расправить плечи и сделал походку размеренной.

Но не все тайны созданы для того, чтобы их хранили. Ведь некоторые могут принести огромную пользу для других, и такие тайны рано или поздно заставят поделиться.

И вскоре этот день настал.

Алексей еще накануне, перед сном, чувствовал какое-то беспокойство. Сны этой ночью были несвязанные – говорящие фигуры, пролетающие птицы, тени, мелькающие за окном.

Как обычно, позавтракав, Алексей поблагодарил няню, сказал, что пойдет в парк, и попросил обычный бутерброд, который якобы съест на месте. «Как обычно, всухомятку», – проворчала няня и завернула два бутерброда с собой.

Алексей прошел в парк, остановился на знакомой дорожке, по привычке съел хлеб и маленькими кусочками начал кидать колбасу набежавшим кошкам.

Подошла группа студентов, их позабавило, как животные сражаются за куски еды. И они обратились к Леше: «А хлеб что не едят? Не голодные, наверное? Обожравшиеся!»

Алексей с загадочным видом протянул: «Не понимаете в-в-вы... н-н-не понимаете».

Студентов чрезвычайно позабавил ответ, и они спросили «Чего уж?»

Леша ответил: «В-вы никогда не бу-бу-будете профессорами!»

Один из группы выступил: «Ты че, отсталый, что ль?»

Алексей всегда вовремя вспоминал, что обижаться нельзя, ведь он умный, он добрый, но в этот раз, когда он точно знал истину, когда он, единственный из всех, знал тайну, которая может сделать эту жалкую группу студентов обладателями красных корочек, он больше не мог прощать или не обращать внимания.

«Ты сам д-дурак!» – закричал Лешка и запустил куском колбасы в парня.

Стоит ли описывать, что произошло после этого.

Возраст студентов был таков, когда каждое слово, которое было произнесено в пределах слышимости, ни в коем случае не могло быть случайным, точно так же, как и не могло остаться без ответа.

Когда прохожие мужчины оттащили разъяренных студентов от Алексея, у того была рассечена губа, порван карман – и огромное желание рассказать правду про кошек. Так, чтоб услышали, чтоб поняли масштаб этой тайны и какая в ней сила и мощь!

Алексей, как отмечалось, был очень наблюдательным парнем и умел делать выводы.

То, что он понял в этот осенний день, – студентам говорить нельзя. Они не понимают.

Слушая, как ругается няня, обрабатывая ему рану, потом как жалеет его мать, зашивая карман, он думал только об одном: кому-кому рассказать? С этой мыслью он заснул.

Утром, ничего никому не говоря, он умылся, оделся и решительно вышел из дома, не замечая луж и обеспокоенного взгляда няни, провожающей его с балкона.

Впервые за долгое время он не стал останавливаться на дорожке, а прошел дальше. Выйдя из парка, он перешел дорогу и оказался напротив высоких дверей, за которыми был вход в институт.

Его сердце билось часто, он почувствовал небольшое колебание, замешкался, но вдохнул и сделал шаг... Преодолев вестибюль и открыв еще одни двери, он оказался в огромном зале, наполненном людьми. Они сидели молча и смотрели на выступающего. Отдельно от всех сидело несколько профессоров – Алексей точно знал, как они выглядят!

Это минута его славы!

Выбрав самого солидного мужчину, с седыми усами и волосами, чуть длиннее принятого, Лешка двинулся к нему.

В аудитории шла защита кандидатской, и слушатели, как и выступающие, не сразу поняли, что происходит. Никто не стал его останавливать.

Леша остановился перед седым профессором и воскликнул: «Кошки!» Это слово очень четко и резко вырвалось из его рта. Обычно он заикался, но не сейчас.

«Кошки!» – повторил он на выдохе.

Он ждал, что после этого или начнут ему аплодировать, или замрут в восхищении. Но ничего не произошло. Сидящие люди просто перевели на него взгляд, а старый профессор вежливо обратился к нему: «Что вы хотели сказать, молодой человек?»

«К-к-кошки!» – снова воскликнул он.

«Хорошо, кошки. Что вы хотите рассказать про кошек?»

«К-к-кошки, их н-нужно кормить. Т-т-тем, кто кормит кошек, вы даете красные корочки».

Профессор видел не раз Алексея в парке, он понимал, что он особенный, умный и добрый. Он предложил выйти ему и побеседовать чуть позже, Алексей, конечно, согласился.

Они гуляли по дорожкам, кормили кошек, профессор узнал все, что хотел сказать ему Лешка.

И даже согласился с ним.

И рассказал, что загадка была связана с тем, что пару лет назад институт выделил аудиторию для защиты кандидатских с отдельным входом, с торца, куда и вела та дорожка, где обитали кошки, которых кормили студенты.

А другая, где их не было, вела в основной корпус института, куда бежали студенты с книгами и откуда выходили без красных корочек.

Вот и вся тайна.

Хотя, возможно, главная тайна была в том, почему Алексей, с разбитой губой и пришитым мамой карманом, не расстроился. Он шел домой через парк и улыбался, отчего-то довольный и гордый собой.

Михаил Бутов

Благодаря «Тавриде» я с удовольствием пообщался с талантливыми молодыми людьми со всей России, из очень разных мест. Мне было интересно узнать их поближе, понять, чем они живут. В итоге – совершенно искренне – я, к собственному удивлению, провел со своим семинаром незабываемые дни. Надеюсь, что и сам я был им полезен. А теперь желаю им в первую очередь удачи, потому что она капризна и от нас не зависит.

Геннадий Давыдов

Родился в 1989 году. После школы поступил в институт на факультет социальной психологии, из которого благополучно ушел, не окончив последний курс. Незадолго до поступления были совершены первые шаги: написаны первые рассказы, которые спрятаны подальше от посторонних глаз; были первые попытки найти себя на этом поприще. Вся творческая деятельность в те годы носила характер развлекательный, ведь во всяком молодом человеке играет энергия, жажда деятельности, и бросается он на каждое дело, как голодный. Позже после трехлетнего перерыва произошло некоторое переосмысление творческой деятельности, в результате которой возникло твердое желание реализовать себя как писателя.

Саша

– Это же детство, – говорит Саша и будто бы уже не обращает эти слова к Кате, а произносит их для себя, как бывает иногда в разговорах, когда та или иная тема затрагивает особенно чувствительные моменты прошлой жизни, и такой переход как бы ослепляет говорящего, переносит все его внимание к воспоминаниям. Саша не замечает, как мышцы его невольно расслабляются, лицо разглаживается, голова медленно склоняется набок, а взгляд опускается к

своим рукам; он не замечает и улыбки на своих губах только потому, что она не стоит ему никаких физических усилий. Со стороны, наверное, может показаться, что Саша постепенно погружается в сон с каким-то прекрасным видением перед глазами и с некоторым оттенком блаженства на лице. Кажется, он не замечает, как повторяет уже произнесенную фразу: – Это же детство. В нем все так просто: бывает либо весело, либо скучно. Разве у тебя такого не было? – С последними словами взгляд широко раскрытых глаз Саши устремляется к черным глазам Кати, словно бы желая отыскать в них тот же отклик, какой эти слова находят в его сердце. В *весело* и *скучно* Саша вкладывает куда больший эмоционально-чувственный диапазон, но ведь в детстве все куда проще...

Еще до того, как Катя начинает отвечать, Саша замечает в ее лице и глазах отсутствие того желаемого отклика, и отсутствие это делает ответ предсказуемым, пустым, бесполезным, а саму Катерину – еще более чужой, более искусственной и менее человеческой.

– Каждый наш разговор, который продолжается больше десяти минут, открывает тебя так, – говорит Саша, откинувшись на стуле, скрестив руки и испытывая такого рода раздражение, которое возникает при полном непонимании друг друга в пространстве незримом, чувственном, несмотря даже на то, что, может быть, у обоих имеются схожие или даже идентичные чувства, эмоции, настроения, однако и те и другие никак не могут, да и никогда не смогут найти общего канала для связи между собой, и неважно, какие слова будут сказаны, какие поступки будут совершены. Просто бывает так, что определенные люди в этом чувственном пространстве совершенно слепы по отношению друг к другу, даже более того: какая-то сила противостоит сближению их. – Будто ты – не ты, – договаривает Саша, – и я разговариваю с совершенно *незнакомой* женщиной.

Хотя слова Саши могут показаться комплиментом к некой многогранности и личностной глубине Кати, но на самом же деле ими он желал выразить совсем другое: ведь сколько бы они ни говорили между собой, сколько бы ни выказывали себя в рассказах и поступках, они так и останутся чужими друг для друга. Этот разговор был, наверное, последней подсознательной попыткой отыскать в душе Кати что-то родное, что-то схожее, что-то такое, что могло быть сделать ее частью Саши. И даже если это *что-то* и существует в Кате, то оно никогда не позволит себя отыскать в этих непроглядных черных глазах. «Наверное, и душа ее такая же черная, и сердце тоже», – думает Саша, со злостью смотря, как Катя направляется в свою комнату, как переодевается, а затем направляется к выходу. Непонятно почему, но именно в этот момент Саша испытывает невероятную потребность в том, чтобы Катя осталась дома, чтобы в ней обнаружилась пусть совсем крошечная частичка человеческого тепла, проявление которой не потребует от нее равнодушных расчетов и всего того прочего, что так свойственно ее характеру; ведь всякие расчеты, размышления о выгодах – все это убивает душевность любого поступка одного человека по отношению к другому и привносит унижительную, мерзкую механизированность. «Наверное, водитель вкладывает больше души, когда протирает приборную панель своего автомобиля салфеткой, чем когда *она*... – все сильнее раздражается Саша, смотря исподлобья на обувающуюся Катерину. Руки его вытянуты по швам, кулаки крепко сжаты, а плотно сомкнутые губы вздрагивают так, будто он хочет то ли улыбнуться, то ли расплакаться. Весь его вид напоминает обиженного и озлобленного ребенка. – Когда *она* целует, обнимает или говорит что-либо утешительное».

Катя не прощается и даже не оборачивается. Во всех ее движениях, даже самых простых, вроде завязывания шнурков, нельзя не заметить какой-то особенной неспешности, плавности, задумчивости, какие свойственны человеку не просто одинокому, но тому, кто не замечает присутствие других людей; не видит, не слышит, как бы не догадывается о наличии в них души. И потому Саша чувствует себя словно запертым в мыльный пузырь; он чувствует бессилие, которое порождает злость и раздражение – на себя и на весь мир. Однако все это переживание

в целом отдает болезненной ностальгией. С каждой секундной Саша вспоминает все то, что до сих пор не может забыть. Не может забыть потому, что не в силах простить.

В следующий момент окно в спальне распахивается, возникший сквозняк вырывает дверь из руки Катерины и захлопывает ее с такой силой и шумом, что Саша невольно зажмуривает глаза, как от внезапной боли, и вздрагивает. Вся эта ситуация, а в особенности прохлада и запах осени в сквозняке, тотчас возвращают Сашу на двадцать два года назад, в его десятый день рождения. Тогда Саша так же стоял в коридоре напротив входной двери, как стоит сейчас; он так же смотрел на уходящего отца, как мгновение назад смотрел на Катерину; и отец его в тот момент двигался и вел себя именно так, будто бы Саши не просто не было рядом, но и не существовало вовсе. И тот же грохот захлопываемой двери, и тот же холодный сквозняк с особенным запахом рыжей осени. Несмотря на свой возраст, Саша каким-то чувством знал, что все случится именно так и отец уйдет. Знал, но верил, что все это не сбудется, как не сбываются многие детские страхи. И тем ужаснее стал момент побега отца, что страх этот материализовался; а когда один из потаенных страхов в один лишь миг из мысли превращается в непреодолимое и необратимое действие, которое осязается физически, осязается душевно, именно тогда возникает тревожное ожидание того, что и все остальные страхи вскоре так же перестанут существовать только лишь в голове.

Когда отец обувался, Саша кричал как мог: и ругался, и молил того остаться, бросался к ногам, рыдал, и жаждал разорвать на себе и одежду, и кожу, чтобы только показать, насколько больно его сердцу. Но отец не реагировал. Не реагировал потому, что Саша стоял на месте, бледный, со сжатыми кулаками и злобным взглядом голубых глаз исподлобья. Все же рыдания, мольбы и крики происходили в сердце Саши, в его мыслях, которые никак не переходили в действие. Наверное, потому, что им просто не было место среди происходящего – своим равнодушием отец занял собой все пространство. И как бы Саша ни хотел, он не мог сделать даже шагу, не мог выдавить тогда и слезинки; но расплакался, закричал и, когда захлопнулась дверь, бросил первое, что попало под руку. Бросил в то место, где минутой ранее находился отец. Саша бросил крошечную вазу в того призрака отца, который снова и снова уходил, который снова и снова захлопывал за собой дверь, раз за разом, исчезая и появляясь вновь. После вазы он бросал стакан, ручку, ключи и все то, что еще находилось на комод. Он бросал и бросал, но призрак отца не реагировал и все так же равнодушно уходил, бросая дверь, позволяя холодному осеннему сквозняку ее захлопнуть.

Когда же на комод ничего больше не осталось, Саша несколько мгновений слепо шаркал по столешнице пальцами, скребя ее ногтями, затем развернулся к ней и в отчаянии выбросил перед собой обе руки, желая то ли ударить комод, то ли толкнуть его, однако из-за тяжести того Саша оттолкнул себя; он выставил было ногу, чтобы вернуть себе равновесие, но оступился и упал. От сильной боли в копчике у Саши перехватывает дыхание. Находясь в метре от неподвижного комода, он с рыданиями поочередно бьет ногами по воздуху, как бы защищаясь, будто комод этот приближается и грозит обрушиться на него. В следующий момент Саша поднимается на ноги, но вновь спотыкается и падает на осколки от разбившейся керамической вазы.

Часом позже вернувшаяся Арина Сергеевна обнаруживает сына с воспаленными, влажными и как бы стеклянными глазами, гладким, бледным лицом, с запекшейся кровью на бедре и предплечье. Маленький Саша сидел на коленках, сторбившись и покачиваясь, с поднятой головой и ничего невидящим взглядом, руки его плетями свисали с плеч.

– Господи!.. – мгновение спустя выдохнула Арина Сергеевна, и шепот ее звучал как молитва: трепетно, со страхом и надеждой. – Господи!.. – повторила она, невольно протягивая дрожащую, сухую руку к Саше, но затем, словно, обжегшись, одернула ее и коснулась своих губ. Арина Сергеевна сорвала с головы платок и бросилась к сыну, который только тогда обратил на нее внимание, когда она сжала его лицо в своих руках и силой обратила к своему лицу. –

Саша!.. Сашенька... – прошептала Арина Сергеевна голосом дрожащим, с некоторым отчаянным торжеством, будто бы произошло наконец событие трагическое, тяготящее душу и сердце, но свершение его теперь должно принести облегчение. – Это должно было случиться, должно, Саша, понимаешь? И хорошо, что это случилось, хорошо, ведь теперь станет легче, легче, понимаешь? – Она сжимает Сашу в своих объятиях, быстро целует его лицо и никак не замечает его взгляда, в котором одно только детское непонимание того, как может быть хорошо, как может быть легче, если *так* больно. – Просто покорись этому, – быстро говорит Арина Сергеевна, – покорись и не думай над причинами, хорошо? Не нам знать причины истинные, не нам судить, просто так надо! Если это произошло, значит, так надо, и надо покориться! Все будет хорошо, – шептала она и прижималась своей щекой к щеке Саши. Успокоившись, Арина Сергеевна отстраняется от сына, но не выпускает его лица из своих рук. Кажется, только сейчас она замечает кровь на его теле, следы которой после объятий виднеются и на ее одежде. Арина Сергеевна встала, а затем подняла с колен Сашу и отвела его в ванную, смыла кровь, умыла его лицо, перевязала неглубокие порезы, после чего причесала и отвела в свою комнату.

Именно последующие минуты стали особенными в жизни маленького Саши, когда мать, шурша своей длинной черной юбкой, проводила его к постели; а после того, как она нежно поцеловала Сашу в светлые волосы, в ее руке словно из ниоткуда оказалась небольшая, умецающаяся в ладони потрепанная книжка, которую она положила перед Сашей на постель.

– Оно всегда спасало меня, – произносит Арина Сергеевна голосом ласковым, но с оттенком странной покровительственности, которая тотчас превращает родную мать в существо как бы не родное, чужое; при таком поведении будто бы убираются всякие чувственные и инстинктивные привязанности, какие обычно мать испытывает к сыну; вместо них в поведении Арины Сергеевны, в ее движениях и взглядах, в ее голосе и интонациях, все в ней начинает сквозить каким-то священным долгом, не соблюдать который попросту не в ее силах. В такие моменты во всех ее поступках чувствуется присутствие посторонней воли. – Всегда спасало и продолжает спасать. И меня, и мою душу. Оно поможет, – шепчет Арина Сергеевна на ухо Саше, – не делай усилий к тому, чтобы верить или не верить, просто впусти это в себя; впусти, и пусть твое сердце само определит. Ответ придет тебе не мыслью, а чувством. Ты не сможешь пропустить и не понять его. Старайся не мешать себе разумом – пытаться понять или осмыслить. Любые мысли сеют сомнения, а в сомнениях нет правды. Правда приходит чувством. – Она еще раз целует Сашу в макушку, шумно вздыхает, а затем выходит из комнаты и аккуратно закрывает за собой дверь.

Неясно, сколько времени маленький Саша простоял перед кроватью, но опомнился он, когда в комнате начало темнеть. Солнце опустилось за горизонт, и слабый, сумеречный свет, проникая в единственное окно, как бы обесцвечивал не только все вещи вокруг, но и, кажется, всю жизнь. Саше казалось, что все меркло и умирало.

В момент ухода отца между ним и сыном будто бы натянулась неосвязаемая цепь, которая соединяла их до настоящей минуты и которая после грохота захлопывающейся двери не разорвалась и не растянулась – она осталась в отце, таким образом вырвавшись из маленького Саши вместе с какой-то его частью и оставив глубокую, ноющую пустоту.

В соседней же комнате Арина Сергеевна тихо молилась, стоя на коленях перед кроватью и опустив голову на сцепленные в замок пальцы рук. Она знала, что Саша жаждет *ее* присутствия в такой тяжелый момент, жаждет *ее* ласки, *ее* внимания, но, вопреки тому, нужно оставить его наедине с *Ним!* правильнее, чтобы Саша нашел утешение не в материнской ласке, а наставлениях и напутствиях *Ego*. И нашел их бы сам, и принял бы их. «В моих силах уменьшить боль, но не в моих силах открыть путь к спасению, – думала Арина Сергеевна, – не в моих силах наставлять его, он должен прийти к этому сам, своими силами, своим сердцем. И сейчас самый подходящий для того момент! Мое же присутствие только все усугубит, оно уверит его в том, что утешение есть только лишь в объятиях близкого и родного человека. К

остальному он останется слеп, и это погубит его, погубит, и потому он сам должен прийти, сам, без принуждения!»

Солнце опустилось за горизонт, и слабый, сумеречный свет, проникая в единственное окно, как бы обесцвечивал не только все вещи вокруг, но и, кажется, всю жизнь. Саше казалось, что все меркло и умирало.

Все слова, произнесенные матерью, кажется, продолжали витать около маленького Саши, продолжали звучать в его голове сухим шепотом, похожим на шум ветра, запутавшегося в сухой листве. Смысл же сказанного ею оставался для Саши недоступен. Он помнил каждое ее слово, но не видел в нем целостного образа, не видел потому, что видеть хотел совсем другое – Саша хотел найти ответы на вопросы. Почему ушел отец? Как его вернуть? Что нужно для этого сделать? Кто в этом виноват? Ответы на эти вопросы принесли бы некоторое облегчение хотя бы осознанием причин; они дали бы надежду на возможность исправления произошедшего. Но их нет. И даже в таком состоянии Саша, сохранив способность мыслить, понимает, что должен возненавидеть отца, должен обозлиться на мать; должен потому, что он по одному только положению своему является невольным приемником всяческих последствий тех или иных поступков со стороны родителей: какой бы шаг они ни предприняли, последствия его обязательно затронут его, и неважно, берут ли они ответственность или нет.

«Принятие ответственности вообще являет собой особое средство для притупления чувства вины или прочих проявлений совести», – позже подытожил Саша, вспоминая все произошедшее, но уже с высоты своего жизненного опыта.

В случае с Сашей ответственность эта принимала форму своевременной выплаты алиментов. Ведь именно так откупаются от отцовства; ведь именно так откупаются от собственной совести, когда совесть эта выстроена положениями конституции. Довольно просто откупиться от отцовства, но невозможно какими бы то ни было деньгами купить отца.

Несмотря на все свои мысли, Саша не мог злиться на мать, не мог злиться и на отца. Быть может, такая отстраненность была следствием религиозного воспитания матерью; быть может, причина была в восприятии отца как человека, которого Саша любил так же сильно, как и боялся. «У папы очень ответственная, важная и очень опасная работа», – отвечала Арина Сергеевна, когда Саша спрашивал о том, кем работает его отец; никакой конкретики, никаких намеков, только пространственные и короткие описания, которые могут охарактеризовать множество работ. Однако такая характеристика деятельности отца соответствовала его внешности и поведению. Несмотря на крепкое сложение Игоря Андреевича, в движениях его присутствовала некоторая ловкость, которую никак не ожидаешь встретить. Он не имел привычки смотреть на собеседника только лишь затем, чтобы выказать свое внимание. Саше казалось, что каждый взгляд, в котором всегда присутствовали усталость или какая-то леность, каждый взгляд его в глаза или на какую-нибудь часть тела всегда как бы отмечал, обнаруживал или уличал в чем-то и тем самым предоставлял куда больше информации, чем того хотел бы его собеседник. Интонации голоса Игоря Андреевича никогда не соответствовали его мимике: он мог кричать, мог говорить ласково, а мог говорить таким особенным шепотом, каким обычно выражают самые серьезные угрозы, но никогда Саша не замечал изменение на его гладком лице, которое в такие моменты больше походило на восковую маску. Вообще Игорь Андреевич говорил мало и общался с сыном часто посредством жены. «Саша сегодня отличился на математике», – говорила Арина Сергеевна. Игорь Андреевич же тогда поворачивался к сыну и своим взглядом словно бы искал подтверждение или опровержение услышанному; когда же он уверялся в правдивости и в отсутствии всяких преувеличений, то кивал и говорил: «Хорошо!»

Пауза между словами матери и конечным итогом, высказываемым отцом, всегда вызывали в Саше странного рода страх, потому что сам итог, пусть и короткий, сухой, озвученный без всякого выражения и чувства, имел для Саши самое решающее значение. Подтверждение

отца было особенным явлением, которое свидетельствовало, что событие это свершилось на самом деле и последствия его имеют какую-то значимость. Наверное, если бы Саша спас человеческую жизнь и услышал от отца что-то вроде: «Пусто это», то спасенный им человек тотчас бы умер.

И сейчас, стоя в своей комнате перед кроватью с находящимся на ней Евангелием, Саша не чувствует злости, но чувствует что-то новое, чего раньше никогда не чувствовал: странного рода принятие произошедшего со всеми его последствиями. Это новое чувство уверяет, что так должно было произойти, только так и никак иначе, и что малейшие непринятие этого случая, малейшие отклонения в сторону от заданного пути ведут только к большим страданиям, а принятие ведет к покою. Не мыслью, а именно чувством маленький Саша понимает, что принятие тождественно прощению; и что тем особенно это принятие, что для прощения не требуется понимания всех причин случившегося. Когда он наконец подошел к кровати и опустился перед кроватью на колени, была уже ночь. Все вокруг поглотила тьма, и только через окно, справа от Саши, проникал серебристый свет от поднявшейся уже луны и косым лучом высвечивал лежащее Евангелие. Взволнованное, глубокое дыхание Саши разогнало лоснящиеся пылинки, парившие над книгой. Он протянул к ней руки, крепко сжал пальцами обложку, но не открыл, – часто читаемое вслух матерью, а впоследствии и самим Сашей, содержание Евангелия никогда не покидало его памяти; да и в настоящую минуту он не имел потребности в чтении, он жаждал касаться его, таким образом будто бы касаясь чего-то сакрального, священного, чего-то спасительного и успокаивающего. И чувство это похоже на то, когда человек наконец находит тот самый ключ от всех дверей, универсальную формулу для ответов на все вопросы, для решения всех задач; оно похоже на озарение, на ощущение приобретения чего-то необъятного, бесконечного. Саша не сразу замечает, как тяжелые, горячие слезы просачиваются сквозь сжатые веки и, скатываясь к подбородку, оставляют соленый привкус в уголках губ. В этот же момент Саша чувствует свершение что-то особенного и значительного, но вместе с тем он боится, что все это лишь наваждение, некая слабость рассудка, которая пройдет после глубокого сна, и все новые переживания останутся лишь воспоминанием, не оставившим ни единого следа. Долгое время Саша борется со сном, прикладывая к тому все возможные усилия: он нарочно не ложится в постель, несмотря на боль, продолжает стоять на коленях, однако спустя некоторое время все равно засыпает, и засыпает крепким, сладким сном без сновидений.

Проснувшись, маленький Саша лежал некоторое время без движений и смотрел в одну точку на потолке. Как только ему припомнились одно за другим все события вчерашнего дня, он сначала заробел, взволновался и всеми чувствами своими как бы сжался и попятился от этих воспоминаний, как при приближении оскалившегося пса, собирающегося напасть, но мгновение спустя, когда он припомнил чувства, случившиеся с ним вчера вечером, то необъяснимая радость охватила его. И радость эта стала оттого сильнее, что Саша осознал: чувство то не потеряно и не забыто сердцем, напротив, оно живо, оно наполняет его тем же кротким, радостным спокойствием, каким наполняло ночью во время молитвы. Кажется, что сон без сновидений стал своего рода перезагрузкой, после которой жизнь Саши началась не просто с начала, но с нового и правильного начала.

Именно это чувство теперь как бы впереди всех остальных, и именно оно теперь является первостепенными глазами и ушами Саши – оно теперь интерпретирует услышанное, увиденное им; оно говорит, что нужно чувствовать, что испытывать, что переживать при том или ином случае. Подчинение и безоговорочное принятие дарует исключительный покой рассудка и души.

За завтраком Саша не рассказал о своем внутреннем преображении, однако он еще не успел заметить, что преобразование это изменило его внешность: бледно-голубые глаза Саши словно бы улыбались; и улыбались такой улыбкой, какая появляется у человека, повидавшего

всякое и не способного уже удивляться чему-либо; на лице его появилось выражение кроткой радости и покоя. Все эти новые черты хотя и имели искреннее начало в душе Саши, но никак не шли десятилетнему мальчику; они придавали ему вид несуразный, глуповатый, отчего впоследствии и началась его травля в школе. Арина Сергеевна не могла не заметить эти изменения. Она понимала их причину и внутренне радовалась тому, хотя и никак не выражала своих чувств.

Влияние нового состояния превратило Сашу из ребенка малообщительного в совсем молчаливого, более наблюдательного, замкнутого; без всякой причины часто улыбающегося чему-то своему, что недоступно для других. Много времени проводящего в уединении, не двигавшегося и смотрящего в одну неподвижную точку. Весь вид Саши как бы говорил, что он в отношении всего имеет свое мнение, которое в корне отличается от мнения, приемлемого большинством, и потому, наверное, все дети в школе сторонились его; часто подшучивали и смеялись за спиной.

Обретение веры наполнило Сашу особенной радостью, которой хотелось поделиться с другими, показать, как все просто, как легко может быть в мире, если *верить*, если *уметь прощать*; он никогда не говорил о Боге, никогда не упоминал о вере даже в разговорах с матерью. Саша был уверен, что вера его нуждается в тишине, в покое, что неприемлемым и даже оскорбительным станет какое бы то ни было упоминание о ней в присутствии других людей, пусть тоже верующих. Чувство это особенное, свое, и рассказывать о нем, делиться им означало бы посягать на свободу чувств чужих. Вообще говорить о вере словами, преобразовывать ее в мысль приравнивалось Сашей едва ли не к святотатству.

В церкви же он каждый раз переживал такую близость к Богу, которая приводила его в кроткий восторг. Несмотря на то что не всякий приходящий имел веру, Саша отличал таких людей по взгляду и выражению лица. Он нисколько не сомневался в том, что многие из приходящих людей *не верят*, но страстно того хотят; они свято молятся несколько раз за день, исправно постятся, причащаются, подают бедным и никогда не пропускают ни одного похода в церковь, они словно бы жаждут выжать из всех этих ритуалов некую эссенцию *веры*, впитав которую они тотчас прозреют и обретут состояние блаженства. Однако такие люди так и остаются слепцами.

Много лет спустя Саша отметил, что подобная альтернативная модель присутствует в тренингах по саморазвитию и прочей чепухе: жаждущим успеха людям предлагают соблюдать определенные ритуалы, которые должны привести их к богатству; люди эти ведут бизнес-дневники, записывают идеи, планируют свой день, учатся мыслить «правильно», они жаждут выжать из этого ту же эссенцию, какой хотят прихожане, но все оказывается тщетным, а единственное удовольствие, доставляемое ритуалами, – *правильность* своих действий, своего выбора. Именно *правильность* так важна в жизни каждого человека только потому, что она является единственным лекарством от гнетущего чувства, когда кажется, что вся жизнь до настоящей минуты была неправильной, всякий выбор и всякий поступок – пусты. «Важно знать, что все не зря, что все было правильно, а потому и религия, и подобные тренинги очень действенны и даже полезны для души, для рассудка, несмотря на практическую их бесполезность», – скажет однажды Саша.

Несмотря на выплачиваемые отцом алименты и зарплату матери, которая после ухода мужа устроилась уборщицей, денег хватало только на самое необходимое, однако качество этого необходимого прямо соответствовало низкой цене. Со временем на одежде Саши появились едва заметные стежки или бирки всяческих фирм вместо латок, хотя выглядел он опрятным, был всегда причесан и умыт. Учился хорошо, с должным уважением относился к учителям, те же отвечали взаимностью; часто болел, но никогда не отставал ни по одному из предметов. Весь мир Саши, все его распространение происходило в несвойственном для его возраста внутреннем, имплицитном пространстве; как и каждый ребенок, он имел жажду

познания, жажду изучения, но интерес его мало касался проявлений мира внешнего, материального; а потому всякие попытки сверстников вовлечь его в свои игры оборачивались тем, что Саша с улыбкой покачивал головой и говорил: «Нет, спасибо, но мне нравится просто наблюдать», а затем отходил в сторону. На смешки и оскорбления он отвечал одними только взглядом – не в глаза, а куда-то в сторону – и той же кроткой улыбкой. Но все это воспринималось как снисхождение и высокомерие, которые все больше раздражали его одноклассников.

Со временем насмешки за спиной начали высказываться в лицо, затем обрели характер практический. Но по причине того, что весь мир Саши был скрыт от остальных, все интересовавшее его лежало в пространстве, недоступном для других, а следовательно, недоступном для всякого рода посягательств, он стойко переносил свою новую роль и никогда никому не жаловался, не злился, даже напротив, чувствовал не *потерю*, а *приобретение*. Издевавшиеся над Сашей мальчишки не могли не видеть тщетность своих усилий, и проделки их приобрели новый характер: из простой забавы они обрели конкретную цель – заставить его страдать. Мучители, наверное, подсознательно знали, что известные им средства бесполезны против Саши, и оттого злились еще больше.

С начала нового учебного года, когда Саше только что исполнилось четырнадцать, в их классе появилась новенькая, одна только внешность которой тотчас привлекла к себе внимание всех. Именно в этом возрасте происходят известные изменения, когда мальчики перестают быть мальчиками, а девочки – девочками, по крайней мере, в своем возрастном окружении. Все эти слова обретают для них значение оскорбительное, сродни недоразвитости. И потому внешность новенькой обратила на себя особенное внимание со стороны всех парней класса, даже самих тихих и забитых, вроде Саши. Отдельная же группа парней задиристых, отрицающих всякие правила уважения и свободы других, не осознавая того, сразу же выпрямила спины, расправила плечи; кто-то подавался вперед, облакачиваясь на стол, кто-то, наоборот, скрещивал руки и отклонялся на спинку стула; но на всех их лицах были одинаковые однозначные ухмылочки. Девушки же либо не обращали внимания, либо делали вид, что не обращают внимание на появление новенькой.

Густые светлые волосы, темные брови и темные глаза, цвет которых невозможно определить сразу; только находясь в шаге, можно было разглядеть эти пасмурно-серые глаза. Такой контраст во внешности новенькой вызывал ни на что не похожее чувство. Может быть, именно невозможность выразить его словесно, придав тем самым определенную форму, и делало это чувство еще более сильным. Потому что в подростковом возрасте неподдающиеся объяснению вещи или события притягивают к себе сильнее, чем когда бы то ни было; они приобретают некоторый романтизм самых разных оттенков. Однако на одном уроке литературы при устном пересказе отрывка романа Лермонтова «Герой нашего времени» прозвучало заветное название особенности новенькой: порода. «А Василиса-то наша – породистая лошадка!» – выкрикнул посреди урока один парней, и почти весь класс засмеялся. Не смогла скрыть улыбки даже учительница. Однако на следующий же день выкрикнувший эту фразу пропустил первый урок и опоздал ко второму. Лицо его было мрачно и сурово, движения имели характер неестественных аккуратности и сдержанности; против свойственной ему беззаботности и веселости он молчал весь день, ни с кем почти не заговаривал, явно избегал общества Василисы и даже не смотрел в ее сторону. На одной из перемен Саша услышал, что его одноклассника избили ребята из одиннадцатого класса. После этого случая никто уже не позволял публичных комментариев по поводу Василисы.

Первый месяц внимание всех парней забирала новенькая, а потому все нападки на Сашу почти прекратились, однако случай с избиением внушил всем недоступность ее во всех смыслах, и гнев от невозможности мести, от невозможности владения ею обратился на Сашу. Несмотря на это, Саша по-прежнему воспринимал нападки одноклассников как явление природное, стихийное, избежать которого, а тем более судить которое никак нельзя. Раз за разом

от чистил одежду и рюкзак от грязных следов подошв, подбирал брошенный учебник, склеивал порванные страницы, не замечал оскорбления.

Часто невольно, без какого-либо умысла и подолгу Саша засматривался на Василису, на ее лицо, выражающее какую-то духовную усталость; на ее пасмурно-серые глаза, взгляд которых казался настолько тяжелым, что тяжесть эта ощущалась почти физически. Весь вид Василисы как бы говорил, что все происходящее вокруг является чем-то пройденным уже множество раз, будто память прошлых жизней ее жива и таким образом отравляет настоящее ее существование, лишает его контрастов и красок. Мысли Василисы сильно интересовали Сашу; ему хотелось знать, *каким* она видит этот мир, *какой* она видит себя в этом мире, что любит, что ненавидит, *каким* видит свое прошлое и видит ли свое будущее. В Саше присутствовало стойкое убеждение, что Василиса страдает; и страдает не от боли физической, а от наличия в ее душе неизлечимой раны. Ему также казалось, будто в страданиях этих оголяется ее гордость, не приобретенная, а словно бы врожденная, природная гордость. Свойство это неотъемлемо, но выказывает себя только в моменты пароксизма ее страданий; как подводный риф открывается только во время отлива.

«Замечают ли это другие?» – нередко задумывался Саша; он проникался этим видением и невольно наслаждался им, пока однажды в один из таких моментов созерцания Василиса не обратила на него внимание. Сначала к Саше обратились ее глаза, а за ними – лицо. В ту минуту взгляд ее словно бы говорил: «Нравится смотреть на мои страдания? Тогда смотри, смотри же, продолжай, наслаждайся, как наслаждаются *все* вокруг. Я могу сделать свою рану еще глубже, тогда боль станет почти невыносимой, но зрелище это будет радовать тебя и тебе подобных куда больше, правда ведь!» Не более мгновения смотрели они друг другу в глаза, но Саше оно показалось донельзя долгим. Он тотчас отвернулся, покраснев и устыдившись того, что мог наслаждаться гордострадающим видом Василисы; наслаждаться в бездействии, как наслаждаются *все*, вместо того чтобы помочь или каким бы то ни было образом облегчить ее состояние. Однако Василиса казалась Саше человеком недосыгаемым, она казалась куда выше его, способнее и опытнее. Одна только мысль о том, чтобы заговорить с ней, а тем более предложить ей свою помощь, напоминала прикосновение грязными, замаранными руками к чистой, гладкой, благоухающей коже. «Да и какую помощь я могу предложить», – с некоторой безысходностью говорил себе Саша, а затем задумывался над значением этой фразы: пытался ли он этой фразой огородить себя от тщетных попыток или же оправдывал ею свою трусость. Ответа он не находил, а потому продолжал бездействовать, хотя чувствовал отчаянное стремление к действиям.

Однако по прошествии некоторого времени, в один из тех дней, когда настроение мучителей Саши особенно располагало к соответствующим выходкам, внезапно вмешалась Василиса, и поступок этот привлек общее внимание. Мучителей на тот момент было трое, но обратилась она к одному из них.

– Зачем ты это делаешь? – спросила Василиса голосом тихим, спокойным, но с каким-то особенным призвуком, который как бы показывал ее несомненное право на вмешательство и получение ответа.

Нельзя было не заметить того отвращения, какое возникло на лице одного из обидчиков Саши, когда к нему обратилась Василиса. Отвращение вместе с презрением, выразить которое никак нельзя под угрозой наказания; жесткого наказания. И именно невозможность переступить свободу Василисы являлась своего рода подчинением ей, вызывала раздражение и гнев. Хотя до настоящей минуты свою протекцию старшеклассников она использовала лишь раз.

– Зачем ты это делаешь? – повторила Василиса с прежней интонацией, без страха заглядывая в глаза обидчика Саши.

В ответ же звучит что-то невразумительное. Обидчик при этом отводит взгляд, видимо, считая для себя унижительным смотреть Василисе в глаза; губы его искривляются в наглую

ухмылочку, направленную своим друзьям для того, чтобы те поддержали его речь, однако те не отвечают, они с интересом смотрят на него и на то, как он себя поведет перед Василисой.

– Ты ведь ему должен сказать спасибо, – продолжает она и склоняет голову набок, – а знаешь почему? – И, не дожидаясь ответа, которого и так бы не поступило, Василиса отвечает сама: – Потому что не будь *его*... – Взглядом она указывает на побледневшего Сашу, после чего вновь смотрит обидчику того в глаза и произносит тихим, внушительным голосом: – Ты бы занял его место. Потому что ты следующий в этой дурацкой системе. Верхняя губа обидчика вздрагивает, ноздри его расширяются, красные пятна выступают на щеках от сдерживаемого гнева. Он вновь осматривается на своих товарищей, но те уже отступили на несколько шагов и теперь с хищными улыбками наслаждаются зрелищем.

– Вот видишь, – говорит Василиса. – Ты им не нужен. Ты им никто. Ты просто *следующий*. Но пока есть *он*, ты вне опасности, а потому должен быть благодарен ему, потому что он терпит то, что тебе терпеть не под силу. Прикоснись к нему еще хоть раз, и будь уверен, тебе будет плохо.

После слов Василисы товарищи обидчика громко хохотали над всей ситуацией, но в большей степени над тем, что все слова ее правда. Обидчик же демонстративно фыркнул, затем плюнул в ноги Саше и, схватив свой рюкзак, едва ли не выбежал из класса.

«Спасибо», – сказал про себя Саша, но как бы сильно ни хотелось произнести это вслух, он не мог побороть в себе какой-то ступор. Вместо слов он лишь выдавил дрожащую улыбку и в несколько движений то ли кивнул, то ли поклонился Василисе. Звонок на урок и вошедшая учительница наконец прервали неловкую паузу, после которой Саша тотчас отвернулся к учебнику и старался в течение всего урока не смотреть на Василису. Он чувствовал себя обязанным ей, однако не знал, как выказать свою благодарность, чтобы она стала равноценной свершившемуся ее поступку.

После урока, который был последним на сегодняшний день, Василиса первой вышла из класса, несмотря на то что заметила робкое движение Саши в ее сторону, однако дождалась его уже на улице.

– Пройдемся, – просто сказала Василиса и улыбнулась.

Она была выше ростом и казалась взрослее, как, впрочем, и все девочки в таком возрасте в сравнении с мальчиками. Одетая она была в черное пальто и высокие сапоги; шапку никогда не носила, несмотря на холод. Саша же в своей болоньевой куртке и теплой шапке казался себе плюшевой игрушкой, ребенком: глупым, незрелым, не знающим, как себя надо вести. В дополнение к тому пахла Василиса каким-то особенными духами, немного горькими; явно не такими, какими пользовались ее сверстницы – более приторными, насыщенными, как бы детскими.

– Знаешь, – начала она после недолгой паузы, – ты похож на ягненка. В смысле не на маленького зверя, нет. Но ты как тот ягненок, которого так любили приносить в жертву. Агнец. Ты ведь веришь, да? Веришь в Его существование, и это делает тебя таким выносливым.

Саша обратил было на нее полный изумления и надежды взгляд, но, ощутив, что взгляд этот слишком откровенен и многозначителен, вновь опустил голову и в мыслях осадил себя за возникшее новое чувство, о природе которого не имел понятия; хотя отчетливо знал, что оно не пошло, но в нем было желание раскрыться перед ней и тотчас высказать все свои тайны, все свои мысли, что непозволительно было делать.

– Я видела крестик у тебя на шее и видела, как часто ты его касаешься, когда волнуешься или задумываешься. Наверное, ты и сам не замечаешь этого, да?

– Наверное, – пробормотал Саша, хотя желал сказать что-то более умное, более развернутое, но в настоящую минуту он не был способен ни на какие сложные мыслительные процессы.

По прошествии, наверное, пяти минут Василиса повернула голову к Саше и быстро попрощалась, сказав:

– Тут мне в другую сторону. До завтра, ягненок.

– До... завтра, – только и смог сказать Саша, подняв ладонь.

С этого дня все нападки со стороны одноклассников прекратились, вместе с тем начали ходить разные слухи, один из которых говорил, что Василиса – родная сестра Саши, потому цвет волосы у обоих светлый. Вместе с тем Саша начал замечать, как обидчика его начали подначивать товарищи, чтобы тот вопреки указанию Василисы предпринял что-то в отношении Саши. Подначивания эти со временем начали обретать характер насмешек; насмешки превратились в издевательства, а издевательства – в травлю. В начале этого разрушительного процесса обидчик Саши еще пытался сам смеяться над шутками товарищей и над собой, но в смехе его отчетливо звучали страх и неуверенность. Он не владел ситуацией и все еще пытался доказать, что он часть того сообщества, на стороне которого сила; доказать не себе, но остальным, потому что сам он знал, что не является частью; он лишь овца в шкуре волка, которая пряталась среди других волков и питалась мясом своих сородичей. А теперь, когда шкура была сброшена, овца эта тщетно пыталась рычать и продолжать жить в волчьей стае, по волчьим законам. Это и стало всеобщим посмешищем, вызвавшим травлю.

Среди девушек ходили и другие слухи про Василису: будто бы связь той с одиннадцатиклассниками не останавливается на одних общении и дружбе, но тянется куда глубже. «Глубже, чем можно проглотить!» – шептали они и громко смеялись. Слухи эти возмущали Сашу, ему хотелось вразумить всех, что Василиса куда лучший человек, чем все они, вместе взятые; что она чиста и не может поступать так, как о ней говорят. Но он молчал, зная, что слово его в обществе не стоит ничего, а быть может, и вовсе усугубит эти слухи.

С того самого дня Василиса всегда прогуливалась с Сашей после школы по пути домой. Наверное, она нашла в нем не простого слушателя, но человека, способного понять и принять ее без всякого суда.

В первые недели их общения Саша пребывал в нервно возбужденном состоянии от того, что он так или иначе полезен такой девушке, как Василиса, что она нуждается в нем. Мысли эти не могли не льстить самолюбию, даже такому крошечному, какое есть у Саши. Ему нравилось слушать ее голос, ему нравилось находиться с ней рядом; он чувствовал себя востребованным, что означало в нем наличие какой-то особенности. Вместе с тем он сильно желал, чтобы Василиса переживала те же чувства. Несмотря на то что она каждый день уходила в компанию совсем других людей – старше Саши, более влиятельных, если рассматривать понятие «влияние» именно глазами подростков, более сильных, красивых и более успешных, – несмотря на это Саша не ревновал и не чувствовал себя неполноценным в сравнении с ее кругом общения; наверное, потому, что он знал наверняка: завтра они вновь будут прогуливаться вместе после школы. «Ведь есть во мне что-то такое, что ей необходимо, по крайней мере сейчас», – с тихой радостью думал он, при этом зная, что так не может продолжаться вечно.

В одну из таких прогулок Василиса молчала почти всю дорогу до того места, где они обычно расходились. Саша также молчал, считая, что настроение Василисы требует тишины. «Бывает же такое, что хочется помолчать рядом с... – думал Саша и все хотел сказать про себя: *близким человеком*, однако никак не мог считать таковым для Василисы, – рядом с другом», – закончил он, веря, что откровения ее заслуживает только *друг*, а не просто знакомый. Пройдя же заветную развилку в прежнем молчании, Саша напрягся. Он и хотел бы сказать, что она, вероятно, задумалась и потому пропустила поворот домой, но не мог, потому что желание находиться рядом было сильнее. Саша знал эгоистическую природу своего желания, знал о пусть незначительном, но все-таки ощутимом вреде, который эгоизм может причинить. Он знал, но утешался *ответственностью*: готовностью понести наказание, готовностью всеми силами исправить все последствия своего поступка.

Тогда Саша не понимал, что действия его походили на действия отца.

– Ты можешь пригласить меня к себе? – с некоторым усилием произнесла Василиса, оставившись. На щеках ее появился легкий румянец, который заметил Саша и тоже покраснел. – Я хотела что-то тебе рассказать, но на улице, на морозе это неудобно, это долго. Холодно ведь. Я бы пригласила тебя к себе, но отец... я рассказывала, что он снова запил и потому... – Она продолжала смущаться все больше, и голос все более начинал дрожать, а затем и вовсе затих.

– Конечно! – выпалил Саша. Сам не осознавая своих действий, он сжал руку Василисы в своих руках, не в силах долее смотреть на ее смущение и на те мучительные усилия, которые она прилагала, чтобы это произнести. – Мама сейчас на работе, да и она никак нам помешать не может, ты ведь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.